Сырдарья — крупнейшая река Центральной Азии — протянулась через четыре страны: Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Казахстан, в конце своего пути впадая в Аральское море. Ведущий эксперт международного общественного фонда «Реки без границ» Евгений Симонов рассказал об экологических проблемах Сырдарьи и возможных путях их решения. Евгений Симонов — эколог, специализирующийся на сохранении пресноводных экосистем, влиянии глобализации на окружающую среду и расширении прав и возможностей гражданского общества для защиты природы через границы.

ГЭС «ВЫГЛЯДЯТ ПРОСТО КОРРУПЦИОННЫМИ ПРОЕКТАМИ»

— Какие, по вашему мнению, самые большие проблемы у реки Сырдарья?

Евгений Симонов: Самая очевидная проблема Сырдарьи заключается в том, что ее ресурсы колоссально перерасходуются. Река используется сразу в нескольких странах, между ними есть какие-то договоренности о том, как они будут вместе управлять этой рекой, но они носят очень фрагментарный и недостаточный характер. При этом никто практически не учитывает благополучие экосистемы реки. В результате Сырдарья является не только рекой с максимальным забором водных ресурсов, но ещё и рекой с максимальной фрагментацией речной сети. Проще говоря, на ней располагается львиная доля гидротехнических сооружений, которые есть в бассейне Аральского моря. Важно понимать, что я имею в виду весь бассейн Сырдарьи, со всеми её притоками. Тут уже построено более 100 крупных плотин.

Это большая проблема с точки зрения сохранения нормальных экосистемных процессов и с точки зрения сохранения разной живности, которая обитает в реке. Особенно той, которая мигрирует. В результате часть живых организмов, обитавших когда-то в реке Сырдарья и притоках, либо уже

вымерла, либо находится на грани вымирания. Уже много-много лет никто не видел сырдарьинского лжелопатоноса (речная рыба из семейства осетровых, которая водилась в прошлом в бассейнах рек Сырдарья и Карадарья, с высокой долей вероятности этот вид исчез полностью. — Ред.), хотя когда-то этот редкий осетр мигрировал по реке. И, естественно, строительство плотин и изменение стока наносов жестоко на нём сказалось.

— Нынешнее состояние реки Сырдарьи, в частности, её зарегулированность — это проблемы, доставшиеся странам Центральной Азии в наследство от Советского Союза, или же она в полной мере проявила себя уже в годы независимости?

Евгений Симонов: В разных странах немного по-разному, но, в целом, эта проблема была создана ещё при Советском Союзе. К сожалению, страны Центральной Азии не вынесли из этого достаточных уроков и теперь мы знаем о более чем 70 проектах новых больших плотин в бассейне Сырдарьи, которые страны уже пытаются построить или планируют возвести в ближайшем будущем. То есть государства Центральной Азии усугубляют эту проблему здесь и сейчас. И среди этих проектов количественно преобладают плотины гидроэлектростанций, которые в массе своей выглядят просто коррупционными проектами.

Основные проекты по освоению бассейна Сырдарьи есть у Кыргызстана. Там речь идет о возведении порядка 40 крупных и ещё около 80 мелких плотин. Вторым, естественно, является Узбекистан, который планирует построить по крайней мере несколько десятков крупных плотин этом бассейне. Последним, что меня поразило, был проект из шести плотин на реке Нарын непосредственно ниже старого советского каскада ГЭС в Кыргызстане (включает Токтогульскую ГЭС и 4 ГЭС ниже по течению — Ред.). Интересно, что именно этот участок реки десять лет назад был заявлен как ключевая территория биоразнообразия «Истоки Сырдарьи» в связи обитанием там редких видов рыб.

Что касается Казахстана, то у этой страны возможности строительства ГЭС на самой Сырдарье, конечно, ограничены в связи с преобладанием равнинных участков. Но с другой стороны, в бассейне реки Арысь (река на юге Казахстана, правый приток Сырдарьи. — Ред.), тоже планируется строительство не менее 20 плотин малых ГЭС. Причём на охраняемых природных территориях или в непосредственной близости от них. Еще хуже обстоят дела на трансграничной реке Угам, где гидроэлектростанции планируют возвести прямо в центре Сайрам-Угамского национального парка. К сожалению, Казахстан очень поощряет повсеместное строительство мелких неэффективных ГЭС за счет предоставления государственных гарантий на закупку «зеленой энергии».

— А как обстоят дела с Сырдарьёй в Таджикистане?

Евгений Симонов: В Таджикистане ситуация другая. Там есть две плотины — Кайракумская и Фархадская, — и ничего нового строить не планируют. Но не потому, что заботятся о состоянии реки, просто, в основном, исчерпан ресурс для гидроэнергетического освоения, сама Сырдарья полностью зарегулирована и нет крупных притоков, годных для создания ГЭС.

РЕКА «ДАВНО И ТЯЖЕЛО БОЛЬНА». МОЖНО ЛИ ОБЛЕГЧИТЬ ЕЕ СОСТОЯНИЕ?

— Какие проблемы могут появиться у Сырдарьи из-за строительства ГЭС в её бассейне?

Евгений Симонов: Во-первых, водохранилища заиливаются и кардинально меняются процессы эрозии ниже по течению. Кроме того, понятно, что в процессе этого гидростроительства также происходит увеличение использования водных ресурсов. Соответственно, в самой реке в определённые сезоны остаётся всё меньше воды. А ведь есть участки, где воды почти нет, она вся ушла в канал. Посмотрите, например, на реку Чирчик в районе Ташкента. Он сколько-нибудь заметно течёт по несколько часов в день, когда на Ходжикентской плотине (вторая по мощности гидроэлектростанция Узбекистана, расположенная на реке Чирик. — Ред.) необходимо покрывать пиковые нагрузки Ташкента. Думаю, что способность к самовосстановлению реки становится очень маленькой. Все стоки идут в реку, очистные сооружения, мягко скажем, не везде хорошие, а в значительной части мест их просто нет. Соответственно, санитарное состояние этих вод можно назвать очень плохим, а ведь дальше в реку сбрасывают дренажные воды сельского хозяйства со всеми вытекающими химическими последствиями.

Я не специалист в гидрохимии, поэтому у меня нет данных, как это выглядит на разных конкретных участках. Могу лишь сказать, что всё это очень проблематично и что Сырдарья уже давно и тяжело больна. Если те планы строительства, которые сейчас заявляются на ближайшие 20 лет, будут

осуществлены, то во всем бассейне фактически не останется ни одного хотя бы 100-километрового участка естественной реки, включая заповедные и запрещённые для строительства места.

— Чем обусловлено такое количество гидроэнергетических объектов в бассейне Сырдарьи?

Евгений Симонов: В основном это обусловлено социально-политическими условиями в каждой стране, невысоким качеством управления и принятия решений, банальной коррупцией. Дело в том, что на данный момент создание гидроэнергетических объектов экономически не оправдано. Их уже довольно много, а строить новые — очень дорого. Например, сейчас строительство ГЭС примерно в 3–4 раза дороже, чем строительство солнечной электростанции. А ведь бассейн Сырдарьи очень солнечный. В связи с этим, даже если не разбираться в других особенностях энергетики, понятно, что для выработки энергии строить гидроэлектростанцию в четыре раза менее рентабельно. При этом себестоимость энергии, производимой на ГЭС, увеличивается, а на солнечной станции — стремительно дешевеет.

Тогда зачем гидроэлектростанция может быть нужна? Она действительно обладает своими преимуществами: она может давать энергию в часы, когда вам её не хватает из других источников. Если есть водохранилище, и если у вас, предположим, не будет ни ветра, ни солнца для выработки энергии, вы можете использовать эту воду, чтобы вырабатывать электричество. Соответственно, если бы власти действовали рационально, с точки зрения наиболее дешёвого и эффективного развития безуглеродной энергосистемы, то они бы использовали существующие ГЭС для того, чтобы балансировать непостоянную выработку большого количества дешёвых новых солнечных и ветровых станций. Лучше всего солнечных, они дешевле и менее проблематичны в создании.

Учитывая, что рядом огромный Китай с чудовищным перепроизводством солнечных панелей, то сейчас просто золотое время для строительства возобновляемых источников энергии. Но, увы, на солнечной электростанции, видимо, много не своруешь. Солнечная электростанция — очень простая, хорошо обсчитываемая экономически модульная система, где нас не ждёт никаких неожиданностей. Если она стоит в среднем 1 тысячу долларов за киловатт мощности, то разница в запланированной на строительство и фактически потраченной сумме будет плюс-минус 10 процентов. А гидроэлектростанция — это безразмерная дыра для вкладывания денег. В среднем в мире с момента начала строительства до момента постройки бюджет проекта ГЭС увеличивается на 80 процентов, потому что каждая гидроэлектростанция — это плохо предсказуемое, уникальное сооружение с массой неизвестных. На территории бывшего СССР проблема стоит острее. Например, ожидаемая полная стоимость постройки Рогунской ГЭС в Таджикистане с 2009 года выросла с 3 до 11 миллиардов долларов и, будьте уверены, продолжит расти.

Выработка гидроэлектростанций очень зависима от климата, от стока реки. В определённые сезоны и годы — огромное производство электроэнергии, а в другие — сильно пониженная выработка, например, из-за засухи. Если в стране 80 процентов энергопроизводства покрываются за счёт гидроэлектростанций — это означает, что страна гробит свою экономику и доставляет мучения потребителям электричества. Что мы и видим на примере Кыргызстана и Таджикистана, где едва ли не каждый год появляются новости о том, как не хватило энергии, не хватило воды.

Нужна диверсификация источников в энергосистеме, но руководство этих стран, в частности, Кыргызстана, если говорить о бассейне Сырдарьи, пытается получить у международного сообщества или у бизнесменов деньги на строительство именно новых гидроэлектростанций. Выбиваются огромные инвестиционные пакеты для финансирования десятков гидроэлектростанций больших и малых всюду, где только физически возможно. В том числе, в тех местах, где ГЭС категорически строить нельзя по природоохранным соображениям.

Энергетический кризис таким подходом никак не лечится. Зато к гидроэлектростанциям в Кыргызстане, особенно мелким, почему-то всё время привязываются майнинговые фермы. Официально ГЭС строятся для избавления от дефицита электроэнергии, а реально оказывается, что большая часть построенных мелких ГЭС, из-за которых в Кыргызстане специально был выдуман режим чрезвычайного положения в энергетике, позволяющий не соблюдать природоохранное и прочие законодательства, в конечном счёте работает на майнинговые фермы.

ПОЧЕМУ СЛОЖНО СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ЛЮДЯМ БЫЛО ВЫГОДНО ЭКОНОМИТЬ ВОДУ?

— Ещё одна большая проблема — нерациональное использование водных ресурсов в сельском хозяйстве.

Евгений Симонов: Это самая существенная проблема с точки зрения дефицита водных ресурсов. Методы сельскохозяйственного орошения в бассейне Сырдарьи не сильно отличается от того, что было в советские годы, и что в конечном итоге привело к гибели Аральского моря.

Конечно, страны Центральной Азии делают гигантские усилия, чтобы это как-то переориентировать, но я не могу судить, насколько их усилия эффективны. Во всяком случае, Узбекистан стремится снизить водопотребление на единицу продукции, и в ряде отраслей сельского хозяйства ему это удаётся. Но ощущения, что в целом это снижает водопотребление в отрасли, всё равно нет. Водопотребление продолжает расти. Конечно же, переход на какие-то более эффективные технологии и менее «водохлёбкие» культуры — это ключевой вопрос выживания в регионе.

Необходимо учитывать также и то, что сельское хозяйство — отрасль консервативная, занимающая огромное количество населения. Это сопряжено с очень тонкими социально-экономическими механизмами, и нельзя рубить с плеча. Понятно, что в авторитарных государствах сложно создать активную общественную систему управления водными ресурсами снизу. Поэтому очень сложно

привлечь население на свою сторону и сделать так, чтобы людям было сознательно выгодно экономить воду.

— Чем сейчас занимаются «Реки без границ» в рамках стран Центральной Азии, в частности бассейна реки Сырдарьи, и какие планы работы в Центральноазиатской регионе у вашей организации?

Евгений Симонов: «Реки без границ» пришли в Центральную Азию недавно. Сейчас мы пытаемся вместе с местными организациями оценить степень нарушенности речных экосистем и возможности сохранения их хоть где-то в регионе. Также разрабатываем меры природоохранного и экономического характера, которые бы помогли как-то менее разрушительно хозяйствовать в речных бассейнах. Прежде всего, с точки зрения более осмысленного планирования водохозяйственной инфраструктуры и лучшей оценки последствий для природы и местных общин. Вот поэтому мы проводим такие оценки и пытаемся разобраться в конкретных проектах, в конкретных бассейнах и в регионе в целом.

Мы провели анализ по ряду суббассейнов центральноазиатских рек, а также создали общедоступную базу данных, чтобы визуализировать, как существующие и планируемые плотины соотносятся с разными природоохранными ценностями, что позволяет судить о степени потенциального или существующего конфликта. Мы пытаемся внедрять более современные методы оценки воздействия на окружающую среду, обращая особое внимание на самые ценные природные участки: объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО, заповедники и так далее. Также мы собираем на своем веб-сайте всю публичную информацию о планах освоения и охраны речных экосистем в Центральной Азии, в основном, касающуюся создания и эксплуатации плотин и водохранилищ.

Пётр Троценко (Радио Азаттык)

Источник — Rivers.Help!

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Телеграме

Следите за новыми материалами, экологическими новостями и публикациями.

Перейти
На главную В рубрику

Оставить комментарий Отменить ответ

Читайте также

Еще статьи из Вода

Вода

Для безопасности плотин в Центральной Азии

02.09.2026
243 просмотров

Для обучения специалистов создается Академия безопасности гидротехнических сооружений. В ЦА насчитывается свыше 1200 плотин, из них 110 относится к разряду больших.

Вода

Насколько полны были Амударья, Сырдарья и водохранилища на этих реках в июле 2026 года

13.08.2026
603 просмотров

Фактическая приточность к верхним водохранилищам была больше прогноза, в том числе к Токтогульскому водохранилищу на 202 млн.м3, к Андижанскому на 10 млн.м3, к Чарвакскому водохранилищу на 192 млн.м3.

Вода

Три канала Центральной Азии включены в реестр Всемирного ирригационного наследия в 2026 году

11.08.2026
488 просмотров

Получили признание Международной комиссии по ирригации и дренажу ирригационная система «Халифа Хасан» в Таджикистане и каналы «Даргом» и «Шохруд» в Узбекистане.